

bishops) affect traditional Baptist ecclesiology? And what specifically Baptist is left except the blessing of children at the worship service (304)? These questions are left unanswered.

Yet, notwithstanding these minor shortcomings, I earnestly recommend the book to anyone interested in Baptist history and theology.

*Oleksandr Geychenko  
University of St Andrews  
St Andrews, UK*



Еще одна важная публикация из области региональной истории баптистов вышла из печати. Это книга доктора Малхаза Сонгулашвили, бывшего архиепископа Евангельской баптистской церкви Грузии (ЕБЦ), ныне епископа Тбилиси, переводчика Библии на современный грузинский и преподавателя в государственном университете им. Св. Илии и Баптистской теологической академии. Книга основана на диссертации, защищенной в Оксфордском центре миссионерских исследований в 2012 году.

Автор описывает уникальный миссиологический опыт ЕБЦ, реализованный в соединении баптистского наследия и традиционных православных элементов “литургии”, “анафоры”, “епископата” и пр., и воплощенный в практиках ЕБЦ. Он исследует “историю и природу грузинских общин ЕБЦ, и их миссии, как такой, которая отличается от рассматриваемых баптистов Грузии как часть бывшего советского ВСЕХБ” (2). С этой целью автор анализирует “исторические, теологические и пасторские траектории, внесшие вклад в уникальные миссиологические убеждения ЕБЦ” (2). Он, во-первых, демонстрирует историческое развитие жизни ЕБЦ, соединившее уникальные исторические, социальные и церковные факторы. История и исторический анализ сохранившихся документов становится одним из центральных нервов исследования. Во-вторых, автор анализирует взаимодействие миссии, культуры и церкви, отразившееся в практиках и убеждениях ЕБЦ, а также то, как это привело к “пониманию определенного характера миссии ЕБЦ в теории и практике” (2).

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав, заключения и приложений, содержащих английский перевод оригинальных документов. Автор последовательно применяет свой подход, описывая в первых четырех главах историю ЕБЦ с конца XIX по начало XXI века, повествование достигает кульминации в пятой главе, где анализируются предпосылки, природа и ход реформ, выпавших на конец 1990-х – начало 2000-х годов.

Первая глава описывает исторический контекст духовного пробуждения среди молокан на Кавказе, зарождение русской баптистской церкви в Тифлисе и последующее обращение грузин. В ней изображен уникальный портрет Тифлисской общины, где выделяются практики благовестия среди русских (61-63), сакраментализм (64-69), эклезиологическая модель с тремя степенями священства и структурой “патриархата” (69-78), а также миссия среди грузин

(78-81). Признаки сакраментализма автор находит в описании Вечери Господней, составленном православным священником Николаем Каллистовым (353-354). Сонгулашвили утверждает, что “с точки зрения православного священника ...содержала все необходимые элементы евхаристической анафоры” (64). Экклезиологическая модель представлена в другом документе (361-366), содержащем самый ранний контекстуальный проект организации структуры, устройства и практик баптистской церкви в Закавказье. Автор утверждает, что сакраментализм и упомянутая экклезиологическая модель свидетельствуют, что Тифлисская община пыталась соединить западную и восточную традиции, и это становится очень важным утверждением для его аргументации.

Вторая глава прослеживает истоки и раннюю историю грузинских баптистов (1919-1941), обращая внимание на взгляды, жизнь и смерть Ильи Канделаки, отца-основателя ЕБЦ. Канделаки ценил грузинскую культуру (110-117) и в упадке грузинской христианской культуры винил имперскую политику русификации. Он также стремился возродить грузинскую духовность и культуру посредством нового перевода Библии (117-123, 143-149). Концепция возрождения “некогда прекрасной” веры, которое включает национальную идентичность, культуру и местные художественные формы – одна из ключевых идей для Сонгулашвили.

Третья глава исследует период после Второй мировой войны (1942-1989). Она фокусируется на церковно-государственных отношениях и адаптации миссии ЕБЦ в эпоху господствующего атеизма, а также стремление к свободе и ее предвосхищение в конце 1980-х. Уникальной особенностью этого периода был диалог между православными и баптистскими служителями. Здесь вновь видна попытка построить мосты с традиционной христианской культурой посредством баптистско-православного диалога. Встречи сфокусировались на таких вопросах как таинства (211-215), иконы (215-216), национальная жизнь и религия (216-218).

Четвертая глава повествует о благовестии ЕБЦ в пост-советской Грузии. Контекст возрождающегося религиозного национализма, гражданских войн и волнений, а также война с Россией предопределили характер миссии и радикальных реформ ЕБЦ в этот период. Новый национализм положил конец положительным баптистско-православным отношениям и обусловил непростые дискуссии по таким чувствительным темам для Православной церкви как каноническая территория, покровительство Богородицы, культ древности, и особенно – прозелитизм. В новой ситуации практика благовестия ЕБЦ претерпевает изменения: она акцентирует (а) изменения не подталкивая к членству в церкви, (б) обращение к вере, а не к баптистской деноминации, (в) тебзис (обожение) как цель духовного роста и (г) обновление духовной, литургической и интеллектуальной жизни общины и общества.

Наверняка, наиболее интригует читателя пятая глава, в которой объясняются предпосылки, природа и ход реформ ЕБЦ. Ключевыми факторами,

оказавшими влияние на реформы, были политическая независимость Грузии, автокефалия ЕБЦ от ВСЕХБ, почитание грузинской культуры и диалог с Православной церковью. Участие грузинских баптистов в социальной помощи чеченским беженцам и политических событиях периода Революции роз пробудило среди них осознание нужд, интересов и ожиданий широких кругов грузинского общества. При поддержке руководства группа молодых баптистов начала изучать, каким образом ЕБЦ должна осуществлять Божью миссию в контексте новой Грузии. Это привело к более активному участию в общественной и гражданской жизни Грузии, а также к миссии среди интеллектуалов и обновлению литургии. Последнее ввело в оборот такие нехарактерные для баптистов формы как лекционный, одеяния, процессии и литургический календарь, а также широкое использование икон, крестов и других художественных форм в богослужении.

Заключение книги обобщает результаты реформ, группируя их под рубриками культура и миссия, литургия и красота, церковь и культура.

Во многих отношениях это блестящая книга. Автор мастерски переплетает социальный, политический и культурный контексты, показывая, как они бросали вызов и оказывали влияние на ЕБЦ. Он повествует яркую историю о том, как баптисты Грузии торили свой путь между локальной грузинской и имперской российской/советской культурой, между баптистской конфессиональной идентичностью и широкой христианской традицией.

Исследование использует уникальные архивные документы на грузинском, русском и английском. Некоторые из них впервые представлены научному сообществу. Автор глубоко и эрудированно анализирует тексты и контексты, на фоне которых развивалась ЕБЦ, а также совершает все это в диалоге с новейшими исследованиями.

Несмотря на это, в некоторых местах попытки автора истолковывать баптистские практики как родственные православным выглядят не вполне убедительно. Хотя описание Каллистовым Вечери Господней в некотором смысле напоминает православную практику, сам наблюдатель отрицает какое-либо сакраментальное понимание крещения или причастия баптистами (352-354). Истолкование этих практик у Каллистова резко контрастирует с взглядом Сонгулашвили. Другой пример — это попытка объяснить настенные тексты Писания ссылкой на православную практику использования икон и изобразительного искусства в храмовом убранстве (140). Хотя уважительное отношение русских и советских баптистов к Писанию широко известно, и предложенное иконическое прочтение может быть в некотором смысле оправданным, не следует также забывать, что использование плакатов и транспарантов было широко распространено в советской России. Использование транспарантов с текстами Писания может быть простым подражанием современным формам популярного искусства.

Предположение Сонгулашвили о неизвестном авторе (71-72) и поздней дате (1890) проекта реорганизации баптистских церквей неверны.

И Алексей (Дородницын) во “Внутренней организации общин южно-русских необаптистов”, С. 9; и Валькевич в “Записке о пропаганде протестантских сект”, прил. II, С.12, приписывают текст авторству Василия Васильевича Иванова. Валькевич утверждает, что документ был конфискован при обыске в 1884 году, но датирует его концом 1870-х. Действительно, когда в 1880 году Павлов был избран и рукоположен пресвитером, Тифлисская церковь полностью переориентировалась на немецкую баптистскую модель, следовательно, текст отражает ранние тенденции, которые так никогда и не были реализованы. Почему? На это еще предстоит ответить исследователям.

Реформы, предпринятые ЕБЦ в сфере литургии и инкультурации выглядят интересно и, в некотором смысле, привлекательно. Вряд ли стоит упоминать, что не все баптисты были довольны столь радикальными переменами, и в итоге это привело к росту конфронтации между сторонниками и противниками реформ. Действительно, в какой мере введение трех степеней священства (диаконов, пресвитеров и епископов) может повлиять на традиционную баптистскую экклезиологию? Что непосредственно баптистского осталось в ИБЦ кроме благословения детей во время богослужения (304)? Читатель не получает ответов на эти вопросы.

Тем не менее, несмотря на эти незначительные упущения я настоятельно рекомендую книгу всякому, интересующемуся историей и теологией баптистов.

*Александр Гейченко  
Университет Сент-Эндрюс  
Сент-Эндрюс, Великобритания*

*THE REFORMATION AND EARLY MODERN EUROPE: A GUIDE TO RESEARCH.*  
EDITED BY DAVID M. WHITFORD. SIXTEENTH CENTURY ESSAYS &  
STUDIES, v. 79. KIRKSVILLE, MO: TRUMAN STATE UNIVERSITY PRESS,  
2008, XII + 456 pp. ISBN 978-1-931112-72-7 (pbk.); 39.00 USD.\*

This collection of essays entitled *The Reformation and Early Modern Europe*, edited by David M. Whitford, is the most recent of the published and still up-to-date overviews of the state of discussion concerning the study of the European Reformations of the sixteenth to seventeenth centuries. This volume is the fourth in a series of so-called “guides to research” focused on Reformation studies and related phenomena. It continues and complements the earlier volumes: *Reformation Europe: A Guide to Research*, edited by Stephen Ozment (1982); *Catholicism in*

---

\* The review received on 6.12.2016; approved for publication on 20.12.2016.